

Я заметил Андрея Зелевинского с момента его появления на семинаре И.М. Гельфанда. Посещение семинара способными младшекурсниками или школьниками было обычным делом, но уж очень у Андрея глаза горели.

Я не очень интересовался его первыми работами, там явно чувствовался комбинаторный уклон, а комбинаторика в те годы в Москве была по разным причинам не в чести. Андрея это не смущало, он никогда не следовал моде, а, скорее, это моду создавал.

Подружились мы в Кратово, где снимали дачи на лето. Там же жил мой близкий друг Боря Фейгин, одноклассник Андрея, и мы все время что-то обсуждали. К этому времени Андрей уже был ближайшим сотрудником И.М., дело шло к «гипергеометрическому проекту», и Андрей занимался формированием новой команды вокруг И.М. Он-то и предложил мне попробовать свои силы. Как мне откровенно объяснила жена Андрея, Галя: «Андрей хочет работать с порядочными людьми.» Надо заметить, что и она и Андрей всегда повторяли «честность — лучшая политика» и всегда следовали этому принципу.

Тогда же, на даче, мы сделали нашу единственную совместную работу, которой Андрей очень радовался. Он вообще никогда не скрывал радости от собственных успехов и точно также радовался успехам других. С особым энтузиазмом, который я видел только у И.М., он показывал мне формулы А-системы, легшие в основу гипергеометрического проекта (в это время Андрей был еще в постели после долгого гриппа). Теперь А-система называется уравнениями Гельфанда-Капранова-Зелевинского (правильнее включать в число авторов еще и М.И. Граева).

Осенью 1990-го Андрей уехал в Корнельский университет на работу, а я остался в Москве, и встретились мы через год на конференции в Японии. Дело было в августе, из-за путча японское посольство задержало мне визу, но после шума, поднятого Андреем и его американским коллегой, японцы надавили на свое посольство, и я оказался в Киото. К этому времени Андрей уже провел в Японии неделю и опекал меня на правах старожилы.

Осенью 1993-го я приехал на семестр в Гарвард. К этому времени Андрей уже получил постоянное место в Северо-Восточном университете, и они всей семьей поселились в Шероне, маленьком городке, в двадцати пяти милях от Бостона. Чувствовал я себя крайне неуверенно, потому и жил у Зелевинских целый месяц, пока не снял квартиру. В это время И.М., Андрей и Миша Капранов заканчивали работу над книгой о гипердетерминантах. Важность этой работы Андрей вполне понимал, хотя и постоянно повторял, что стиль книжки — смешение французского с нижегородским, и что с помощью теории D-модулей, которой виртуозно владел Миша Капранов, можно доказать любое утверждение, не обязательно правильное. Работал Андрей непостижимым для меня образом, сидя на полу и обложившись бумагами, отвлекаясь, чтобы поиграть в разные головоломки.

Вообще же, Шерон Зелевинские, с их способностью постоянно видеть во всем хорошее, очень любили. Как-то они водили по тамошнему парку российского коллегу. Андрей упомянул, что они пожертвовали на содержание парка какую-то сумму. «Почему?» - спросил коллега. «Потому что, это наш парк», - ответил Андрей. В мемориальном парке Шерона Андрей и похоронен. Там нет надгробий, могилы отмечены маленькими, утопающими в земле плитами.

В 2002-м году Андрей и Сережа Фомин опубликовали первую работу по кластерным алгебрам, основав большую, быстро развивающуюся область. Десятилетние итоги этого развития подведет

конференция, созываемая 23-го апреля в Бостоне. Эта конференции должна была отметить шестидесятилетие Андрея. Теперь мы будем отмечать его память.